

Юлия Красинская

КРЕЩЁННАЯ ВЕТРОМ

Роман

Юлия Красинская

Крещённая ветром

<https://litres.ru/73532356>

SelfPub; 2026

Аннотация

В ночь на Купалу, когда венки плывут по реке, а костры пылают до небес, провидение говорит с нами на языке ветра и пламени. Для Любавы эта ночь стала роковой: её венок уплыл в руки судьбы, от которой не убежать.

Оказавшись в чужом доме, где стены хранят мрачные тайны, а тишина тяжелее любого крика, она узнала, что значит терять себя день за днём.

Но в её жилах течёт кровь берегини. Чтобы спасти себя и тех, кого полюбила, Любаве придётся шагнуть в Навь, к самой Богине Смерти. И заплатить цену, о которой не догадывается никто.

Ведь настоящая сила — не в даре и не в магии. А в том, чтобы, пройдя сквозь тьму, суметь встать и идти дальше, не потеряв способность любить, прощать и выбирать свет.

И однажды выйти навстречу ветру - сильной, свободной, настоящей.

Крещённая ветром

«Крещённая ветром»

роман

Часть 1. «Воля вольная»

Глава 1. «Ночь на Купалу»

Росы в ту ночь выпали такие, что казалось - небо просеяло сквозь сито мелкие бриллианты. Они сверкали в огне двенадцати костров, выложенных от края деревни до самого берега протекающей мимо речушки. Дым, густой и пряный от полыни и папоротника, медленно крался по земле, смешиваясь с запахом печёной репы, горящего берестового дёгтя и безудержным смехом гуляющей молодёжи.

Смех Любавы был самым звонким. Она кружилась в хороводе. Её тонкое тело мелькало в огненном свете. Алый сарафан, вышитый по подолу белоснежными бутонами, вздымался от быстрых движений. Длинная, русая коса с вплетёнными цветами била её по спине, пытаясь угнаться за танцующей хозяйкой.

- Любавка, бежим скорее прыгать через костёр! - кричали ей взволнованные от происходящего подруги.

Раскинув руки, как птица, девушка сорвалась с места, и подбежала к самому высокому костру, что горел на лугу у старого вяза. Девушки, взявшись за руки, визжали от страха и восторга. Парни подбадривали: кто выстоит, тот будет счастлив целый год, а чей прыжок окажется выше - тот будет сме-

лее всех!

Когда подошла её очередь, Любава на секунду замерла, глядя на стену живого, трескучего пламени. Жар обжигал лицо. Собрав всю волю, подобрав подол, она разбежалась, оттолкнулась от примятой травы и взмыла в воздух. На миг ей показалось, будто она парит над огнём, а в ушах стоит только рокот пламени и восторженный гул толпы. Она приземлилась на мягкую землю по другую сторону, тут же выпрямилась под аплодисменты замороженных зрителей. Сердце бешено стучало, а в груди распирало ликование.

- Молодец, Любаша! Чисто перемахнула! - похлопал её по плечу соседский парень, протягивая руку и смущённо улыбаясь. Он стоял, переминаясь с ноги на ногу, весь красный то ли от огня, то ли от смущения. - Пойдешь со мной водить хоровод?

- Яшка, ну какой хоровод с тобой? Ты ж мне, как брат! - рассмеялась в ответ девушка, убегая к подружкам, стоящим чуть поодаль.

- А Любаша себе жениха нашла! - крикнула веснушчатая Катька. - Не жених, чисто золото!

- Да уж, жених! Яшка же это, братец мой названный! Неужто не угадала? - ещё пуще рассмеялась Любава.

- Ну так и Марена была сестрой Ярилы! Забыла что ли, милая? - захохотала подружка, протягивая Любавке фиолетово-синий цветок марьянника.

Сбившись в кучку, немного похихикав и пошушукав-

шись, девки вдруг затянули на всю округу:

- Ай ты парень, не валяй, сарафан мой не марай,
Сарафан мой синий, сама, девка, скину.

Я сама, млада, осмелюсь, друга в гости позову,
Угощу, улещу, на кровать спать уложу.

Окончательно сконфузившись, Яшка махнул рукой в сторону деревенских девушек и скрылся в толпе парней, которые тут же начали его добродушно толкать и подначивать.

Со всех сторон снова полился залиvistый смех.

Гуляния были в самом разгаре, когда Любава поймала на себе взгляд отца. Он стоял у дальнего костра с мужиками, пил мёд и тихо улыбался. Его смуглое, изборождённое морщинами лицо светилось спокойной гордостью. «Растёт девка, как маков цвет. Мать бы порадовалась...» - подумал было он, но мысль о давно умершей жене растворилась в гуле праздника.

Когда смех слегка поутих и хоровод рассыпался на пары и небольшие группы, мужчины приволокли из деревни чучело Ярилы. Его несли на шестах, бережно, как настоящего заупокойника. Тулово божества было сделано из прошлогодней соломы, ноги-руки из берёзовых полешек, а поверх надета холщовая рубаха. Меж соломенных ног чучела вызывающе торчал увесистый берёзовый корень, затейливо обмотанный алой тряпицей и сухими колосьями. Девушки, едва заведев это, прыснули в кулачки, захихикали, прикрываясь локтями и смущённо отводя глаза, но украдкой всё же по-

глядывали - на счастье, на плодородие, на то, без чего в этом мире не родится ни хлеб, ни дитя. Лик Ярилы был нарисован углём и свёклой - глаза синие, круглые, щёки алые, усы из кудели, и венец из крапивы на голове. В руке он держал деревянный меч, обмотанный сухими васильками.

Мужики установили его в самом сердце луга, лицом к реке, ногами к востоку. И тотчас стихли даже самые буйные.

- Ярило, Ярило, отдай жар земле, отдай силу зерну, отдай плод чреву, - заговорил самый старый деревенский дед, опираясь на клюку. Голос у него был дребезжащий, но властный.

И все в едином порыве опустили головы. Любава стояла в первом ряду девушек, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

- Старая плоть твоя пусть сгорит, да дух останется. Иди, Ярило, иди с миром, и возродись по весне новым колосом, - продолжал старик, и бабы тихонько подхватили: возродись, возродись.

Дед длинной лучиной поджёг соломенные ноги.

Огонь занялся не сразу, будто раздумывал. А потом лизнул подол рубахи, жадно, по-хозяйски, и Ярило вспыхнул. Высоко, до самых звёзд, ударило пламя. Крикнула какая-то девчонка, испуганно и восторженно, и тотчас все запели. Негромко, почти шёпотом, но так, что каждый звук отдавался в груди:

- Гори, Ярило, ярим огнём,

Ты весну держал - теперь осень ждём.

Земле - семя, девке - венец,

А ты, Ярило, воскреснешь, отец!

Любава смотрела, не в силах отвести взгляд. Соломенный бог полыхал жарко, щедро, разбрасывая искры, что кружились в ночи, как светляки. Последним загорелся крапивный венец на голове чучела. Вспыхнул ярко-синим, каким-то ненастоящим огнём.

- Чур меня! Чур! - послышалось со всех сторон.

Не помня себя от страха, Любава рванула ворот рубахи и сунула руку за пазуху - там на шнурке из крапивной нити висел оберег: высушенная лапка утицы с завязанным на ней узлом. Пальцы сжали костяшку и, трижды дунув через левое плечо, Любава прошептала: «Отшатнись! Отворотись!».

Горячий воздух колыхнул волосы у виска. Синяя вспышка погасла, и Ярило занялся обычным, желто-красным пламенем. Никто ничего не заметил. Все смотрели на огонь.

Когда чучело божества прогорело до пояса, парни подхватили шесты и понесли останки к реке. Впереди бежали мальчишки с трещотками и свистульками - гнали шумом всё злое, что могло прицепиться к уходящему богу. Женщины кидали вслед горсти овса, маковых зёрен и лепестки шиповника.

- Уплывай, Ярило, вернись дождём! - кричали они.

И Любава, не выдержав, тоже кинула горсть зёрен в сторону удаляющейся к реке процессии.

Когда проводы подошли к концу, шум и гам стих, сме-

нившись сосредоточенной, почти священной тишью. Вечер продолжился на берегу таинственным и долгожданным обрядом.

Девушки с серьёзными лицами спускали на воду свои сплетённые из трав и цветов «кольца судьбы». Чей венок поплывёт далеко и ровно - та замуж скоро выйдет. Чей завертится на месте или, того хуже, пойдёт ко дну - у той судьба будет горькой.

Любава плела свой венок, старательно подбирая каждый цветок и травинку: ромашка - за невинность, василёк - за верность, гибкая ивовая ветка - за покладистость и мир.

- Возьми чернобыльник, добавь от дурного сглаза, - шепнула Катька, протягивая темный стебелёк полыни.

Любава только замотала головой: «Не надо. Пусть будет, как будет». Но подружка, послушавшись, всё-таки воткнула в венок полынную веточку: «Лишним не будет!»

Любавка присела на корточки у самой воды, где отражение костров колыхалось, как живое золото. Шепнула своему венку что-то - просто тёплое пожелание счастья - и пустила его на воду.

И тут случилось то, о чем в деревне потом судачили ещё неделю. Венок её не просто поплыл. Он словно поймал невидимое подводное течение. В то время как другие девичьи венки кружились на месте, цеплялись за камыши или медленно набирали воду, её венок - яркий, пышный - уверенно поплыл в самую середину реки. Он уплывал так быстро

и прямо, будто его тянул кто-то за невидимую ниточку. Девушки ахнули.

- Глянь-ка! У Любавы - самый счастливый!

- Да он как на огонёк плывёт! Точнехонько к лунной се-ребрине!

Любава смотрела, затаив дыхание, на уплывающий вдаль венок. В груди что-то ёкнуло - не страх, а скорее удивление перед собственной судьбой, которая вдруг проявилась так наглядно. Она поймала на себе восхищённые и завистливые взгляды. И ещё один - пристальный, тяжёлый, изучающий.

Из тени высокой ракиты на противоположном берегу за ней наблюдал мужчина. Он не плясал и не смеялся. Он стоял, как столб, широкоплечий и недвижимый, в тёмной одежде. Свет луны падал на его лицо, делая его резким и бледным, как высеченное из камня. Это был кузнец Горислав из города. Он редко появлялся на деревенских гуляниях. А сейчас смотрел только на неё.

Их глаза встретились на мгновение через речную гладь. Любава почувствовала внезапный бег мурашек по спине, будто на кожу упала капля ледяной воды. Она инстинктивно отшатнулась.

- Любава, ты чего? - спросила Катерина, хватая её за локоть.

- Да так, почудилось, - отмахнулась она, заставляя себя улыбнуться и отвести глаза от того берега.

Но когда она снова, уже машинально, обернулась через

мгновение - под ракитой было пусто. Будто там никого и не было. Будто и правда почудилось.

Они вернулись к кострам, к теплу, к смеху. Но ощущение того ледяного, оценивающего взгляда уже поселилось где-то глубоко внутри, как крохотная заноза. Она попыталась забыть о нём, вернуться в хоровод, но пляска больше не радовала своей беззаботностью. Где-то в подсознании шевельнулась мысль: её венок уплыл слишком уж уверенно. Как будто чья-то воля, кроме её собственной, указала ему путь.

А позже, когда гулянье стало стихать и девушки, обнявшись, шли по деревне, распевая протяжные песни, на дороге появилась незнакомая старуха. На ней была поношенная темная телогрея, не по сезону, а из-под платка выбивались пряди седых, сухих, как солома, волос. Лицо её было нескладное с мертвенно-бледной кожей. Но самое жуткое - были её глаза. Маленькие, глубоко посаженные, они не моргали и казались стеклянными, пустыми, как у мертвой рыбы. Она мотнула головой в сторону Любавы и хрипло промолвила:

- Цветёшь сильно, девка, ой, как сильно. Прямо огнём горюй. Таких либо срывают первыми, либо заморозком до времени бьет. Никакой сему цветку середины не бывает.

Сказав это, старуха, не дожидаясь ответа, развернулась и бесшумно растворилась в предрассветной дымке.

Любава стояла, словно парализованная, чувствуя, как у неё стынут пальцы. Рядом Катерина нервно дернула её за ру-

кав.

- Иди, иди, Любушка, не слушай. Дурочку юродивую какую-то принесла нелегкая. Пойдём домой.

Подруги, притихшие и напуганные, поспешно обошли то место, где только что стояла старуха, ускорив шаг. Любава заставила себя двинуться вслед за ними. Она подняла лицо к небу, где уже гасли последние звёзды, и глубоко вдохнула, пытаясь заглушить дрожь. Вздор. Вздор и бред. Впереди была вся жизнь - счастливая и ясная, как это утро.

Она не знала, что её венок, достигнув середины реки, тихо пошёл ко дну, унося с собой девичьи грёзы о простом счастье. А пепел от ночных костров на окраине деревни, остывая, оставлял после себя длинные, темные тени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.